Афанасием Ивановичем Пянтюковым,[3] и представляет собой список с более раннего текста.

Этот вариант повести сохранил безусловно более древний сюжет, и он более близок к литературной традиции повестей конца XVII—начала XVIII в., типа повестей о Савве Грудцыне[4] (это и уход героя «к великой печали» «из дому своего в поле», где его подстерегает дьявол «в человеческом образе», и неотступное пребывание беса около соблазненного им человека, и то, что «убогий» пребывает некоторое время в купеческом сословии).[5] По фразеологии и историческому антуражу в описании карьеры героя повесть приближается к произведениям начала XVIII в. Сохранившийся текст ценен как новый факт литературной жизни бытовой повести второй половины XVII—начала XVIII в.

Второй вариант повести донес до нас одну из последних страниц литературной жизни этой повести, страницу, свидетельствующую о живом интересе вплоть до XIX в. к теме царя из народа.

Усть-цилемская обработка сохраняет композиционную схему дошедшей до нас части «Повести о убогом человеке и како от диавола сотворен царем»: 1) тяжелые обстоятельства, в которых находится герой; 2) договор с дьяволом, при заключении которого герой требует предупредить его о смерти за некоторое время; 3) с помощью дьявола герой становится царем, причем «милостивым».

Однако все эти пункты схемы разработаны усть-цилемским вариантом по-своему: 1) герой страдает не от убогой жизни и «глада», а от «темничного сидения»; 2) герой сам выступает инициатором договора с дьяволом, а отнюдь не является «прельщенным» им; 3) герой сразу становится «богоизбранным царем», в отличие от последовательной «карьеры» «убогого человека».

Нетрудно заметить черты последующей обработки сюжета в усть-цилемском варианте и там, где сюжетная канва в обоих случаях сближается.

Если для «Повести об убогом человеке» важным является сам факт его договора с дьяволом, отречения от веры, и ничего не говорится об обряде отречения, в частности о традиционном «рукописании» (эпизод излагается кратко: «И отречеся тот человек от Христа и от веры православные и снял с себя крест» — л. 168 об.), то в усть-цилемской обработке здесь налицо распространение эпизода, причем отсутствие «рукописания» находит специальное объяснение: «...сатана рече...: „Поцелуй

---

[3] На л. 62 об. сохранилась запись: «Сия тетрадь города Вытегры Вытегорскаго погоста деревни Анхимовой государственного крестьянина Афанасия Иванова сына Пянтюкова. Писал он своеручно 1776 году декабря 19 дня» (ср. также записи на лл. 85, 104 об., 161 об., 194, 271 об., 275 об.).

[4] Характеристику Повести см. в статье: Н. С. Демкова, Р. П. Дмитриева, М. А. Салмина. Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей. — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, стр. 168.

[5] Сюжет о заключении договора с дьяволом был весьма популярен в XVII в. Широко была распространена патристическая легенда — чудо Василия Великого о Протерии, один из источников «Повести о Савве Грудцыне» (см.: М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне. — ТОДРЛ, т. III. М.—Л., 1936, стр. 124—126). Образы этой легенды использовались и в агитационных сочинениях старообрядцев, направленных против царя Алексея Михайловича и Никона. «Царю же Никону молчаше, понеже запись даде ему своею рукою в начале поставления его, еже во всем его послушати, и от бояр оборонять, и его волю исполнять, якоже прельщенный оный отрок рукописание даде сатане, его же Василий Великий избави молитвою от погибели тоя», — писал дьякон Федор (Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под редакцией Н. И. Субботина, т. VI. М., 1881, стр. 197). Весьма примечательно представление автора о роли дьявола в устройстве жизни героя: богатство добывается с его помощью.